

М. В. БРАЖНИКОВ

Неизвестные произведения певца и роспевщика XVI в. Федора Христианина

Несмотря на скудость сведений, относящихся к вопросам истории и существа древнерусского искусства «знаменного» пения, его высокий художественный и технический уровень известен. Певческие крюковые рукописи сохранили до наших дней великое богатство русских музыкальных напевов. Они памятники нашего старинного музыкального творчества.

Среди древнерусских певцов и роспевщиков в XVI в. очень известным было имя московского попа Федора по прозвищу Христианин. Современники про него говорили, что он «славен и пети горазд знаменному пению и мнози от него научишася и знамя его и доднесь славно».¹ Однако произведения Федора Христианина до сих пор известно не было.

Этот пробел восполняют две крюковые рукописи XVII в., которые недавно нам удалось подробно исследовать. Одна из них хранится в Отделе рукописей ГПБ, в собрании историка М. Н. Погодина, под № 1925. Другая рукопись принадлежит Пушкинскому Дому Академии наук СССР. Она была найдена В. И. Малышевым в Усть-Цильме в 1955 г. и числится в Печорском собрании 1955 г. под № 70.

Первая рукопись относится к середине XVII в., имеет формат в 4-ку. Нотация ее знаменная, беспометная, текст написан полууставом, раздельноречный. По содержанию это сборник. Интересующая нас часть занимает листы 183—194 об. Она имеет такой заголовок, написанный вязью и киноварью: «Фиты розводные. Перевод Крестьянинов. Из Охтая. Глас 1».

Вторая, печорская рукопись относится также к середине XVII в. Формат в 8-ку, нотация знаменная (о пометах ее будет сказано особо). Текст — полуустав, раздельноречный. Это тоже сборник. Сочинения Федора Христианина находятся на листах 236—260 об. и имеют следующий заголовок: «Стихиры Евангельские. Больше знамя. Творение деспот[а] Лва царя премудрого. Перевод Крестьянинов». Весь заголовок написан вязью и киноварью.

Погодинская рукопись содержит так называемый «фитник», т. е. собрание развитых музыкальных оборотов, зашифрованных посредством кратких, но довольно сложных графических обозначений — «фит». Назначение фитника — служить «справочником» при исполнении продолжительных фитных напевов, а также пособием при обучении знаменному пению.

В погодинской рукописи отсутствуют киноварные пометы, вошедшие во всеобщее употребление в последней четверти XVII в. В силу этого «беспометные» певческие рукописи поддаются прочтению с недостаточной

¹ В. Ундольский. Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846, стр. 22.

степенью точности. Однако фитник Христианина дает возможность судить о многом посредством общего внешнего сравнения розводов его фит с розводами фитников пометного периода.

Но как ни ценен фитник Христианина, он все же касается узкого и специального участка знаменного пения. Поэтому он уступает в своем значении стихирам Евангельским из сборника Института русской литературы.

Евангельские стихиры по традиции излагаются вместе с предшествующими им светильными в следующем порядке: светильен 1 — стихира 1, светильен 2 — стихира 2 и т. д. (всего стихир 11). В рукописи № 70 светильны изложены подряд, но отдельно от стихир. Непонятно, почему Христианин счел нужным распеть только стихиры, оторвав их от светильных, органически с ними связанных. В силу этого для приписывания светильных тоже Христианину пока что достаточных оснований нет.

Стихиры Евангельские — одна из вершин знаменного распева. Они имеют высокохудожественные тексты и напевы, поражающие развитостью и красотой. Если за них взялся такой крупный мастер, как Христианин, то это заставляет думать, что и в его творчестве они должны были занимать выдающееся место.

Постараемся теперь ответить на вопрос, могут ли быть рассматриваемые рукописи автографом Федора Христианина? Достаточно сопоставить хронологические и графические данные, чтобы дать отрицательный ответ. Деятельность Христианина, как известно, протекала в царствование Ивана Грозного. Даже при возможном долголетии певца вряд ли она перешагнула границы XVI в. По почерку же знамен обе рукописи типичны для середины XVII в. Таким образом, обе они есть списки более позднего времени, но тех годов, когда система киноварных помет еще не была известна знаменной семейнографии.

Стихиры Евангельские писаны пометным знаменем, а это не согласуется ни с возрастом рукописи, ни с выраженным раздельноречием текста. Пометы в стихирах позднейшие, т. е. проставлены после того времени, когда появилась самая рукопись, и не тем лицом, которое ее писало.

Пометы оказываются и далеко не единообразными. Можно заметить, что некоторые из них выскоблены, иные написаны поверх других. В нескольких местах пометы вместо киновари писаны чернилом. При ряде знамен имеется по две равнозначные, но различно написанные пометы. Кроме того, поля рукописи испещрены, как и промежутки между знаменами, киноварными примечаниями, вставками и розводами. Все это свидетельствует о том, что с установлением системы помет рукопись была кем-то опомечена, после чего пометы были просмотрены и изменены другим лицом. Самым последним работал кто-то, сделавший правки в знаменах и примечания на полях. Возможно, что в работе над рукописью участвовало и четвертое лицо, вписавшее отдельные пометы черным цветом, а заодно изменившее значение собственно знамен посредством приписки к ним добавочных обозначений вроде оттяжек, облачков, сорочьих ножек и др. Могут ли при таких условиях киноварные пометы иметь серьезное значение? Безусловно, могут.

Мы не будем касаться тех способов, которые позволяют произвести работу по «расчистке» первоначальной и старейшей редакции знамен и помет, — их несколько, но тем или иным путем может быть получена достаточно достоверная пометная редакция стихир. Все же, как ни точна будет такая редакция, хронологически она не будет совпадать со временем написания («роспевания») стихир самим их автором — Федором Христианином: она окажется опаздывающей примерно на три четверти столетия. И все же пометная редакция является наиболее близкой к первоначаль-

ному напеву, ибо для роспевщиков XVII в. беспометное знамя было вопросом «вчерашнего дня», а не трудной загадкой, как для нас. Следовательно, мы теперь, пытаясь перевести беспометное знамя, допустили бы несравненно большие неточности, нежели приняв имеющуюся пометную, хотя бы и позднейшую редакцию стихир как пока что наиболее точное их истолкование.

Таким образом, рукопись Пушкинского Дома приобретает первостепенное значение для установления особенностей певческой практики Федора Христианина.

Стихиры Евангельские были распеты тогда также неким «во Твери дьяконом».² Это придает рассматриваемым нами стихирам еще больший интерес, вызывая на путь дальнейших поисков стихир, распетых упомянутым дьяконом, и сравнения их со стихирами Федора Христианина.

Исследование стихир Евангельских как таковых в их «классической» редакции может быть произведено на основании большого числа рукописей, в том числе восходящих еще к XII в. Стихиры тверского дьякона, а в особенности ныне обнаруженные стихиры Федора Христианина, явились бы заключительной главой такого исследования, что, однако, нисколько не умаляет их самостоятельной ценности.

В архивохранилищах Советского Союза имеется еще много собраний певческих рукописей, совершенно не обследованных учеными. Обследование их может дать русской музыкальной медиэвистике новые материалы, существенно обогащающие запас наших знаний, как это делают две рассмотренные рукописи, впервые в истории изучения древнерусского певческого искусства, дающие возможность ознакомиться с личным творчеством роспевщиков XVI века.

² В. Ундольский. Замечания для истории церковного пения в России, стр. 22.